

Песочные крылья

A boy with a red cape and a torch walking through a desert at sunset, surrounded by glowing sand and birds.

Вадим Корниенко

Вадим Корниенко

Песочные крылья

«Автор»

2025

Корниенко В. М.

Песочные крылья / В. М. Корниенко — «Автор», 2025

«Песочные крылья» — волшебная история о мальчике Араме и его песчаной птице Саэле, которая появляется только на один день. Вместе они отправляются в путешествие через бескрайнюю пустыню, встречают миражи, древние города и загадочные оазисы, учатся понимать память, веру и чудеса мира.

© Корниенко В. М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Песчаное одиночество	5
Глава 2. Птицы на ветру	7
Глава 3. День, который длится вечно	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вадим Корниенко

Песочные крылья

Глава 1. Песчаное одиночество

Пустыня тянулась во все стороны, куда хватал взгляд, – золотое море, в котором не было ни начала, ни конца. Днём она пылала под нещадным солнцем, будто сама была живым существом, медленно дышащим жаром и пеплом. Ночью – превращалась в холодное серебро, укрытое звёздным покрывалом. И где-то среди этого бескрайнего молчания жил мальчик по имени Арам.

Он не знал, сколько ему лет. В пустыне время не измерялось днями – только ветром. Иногда он думал, что был здесь всегда: что родился из песка и ветра, как и всё вокруг. Его домом служила пещера в изогнутом бархане, а единственным спутником – старый кувшин, где он хранил воду, собранную по капле из редких туманов. Днём Арам бродил по дюнам, следуя за игрой теней, а по вечерам садился на вершину самой высокой и смотрел, как солнце опускается в песок. Это был его единственный ритуал – прощание с днём и ожидание новой тишины.

Иногда ветер приносил странные звуки – будто кто-то шептал за холмами, но когда он подходил ближе, там никого не было. Тогда он начинал говорить сам – с пустыней, с небом, с солнцем, с самим собой. Голос звучал глухо, словно чужой.

Чтобы не забыть, как звучит слово «жизнь», он начал лепить из песка птиц. Сначала – маленьких, неуклюжих, с крыльями, похожими на обломки листьев. Потом – всё больших, всё изящнее. Он лепил их часами, пока пальцы не трескались от сухости, а потом смотрел, как ветер медленно сдувает песчинки, превращая каждую птицу в вихрь и унося её в сторону горизонта.

– Лети, – тихо говорил он, – может, там, где ты будешь, кто-то услышит обо мне.

Так он говорил каждой, но ни одна не возвращалась. Песок снова ложился в равнину, ветер уносил его следы, и Арам оставался один, будто всё происходило лишь во сне.

Иногда он пытался придумать, откуда он здесь. Может быть, его оставили родители, когда шли через пустыню и не смогли вернуться? А может, он – просто часть самого ветра, забывшая, кем была прежде? Он не знал. Да и спрашивать было не у кого.

По ночам, когда луна вставала над барханами, Арам чувствовал, будто она наблюдает за ним. Тогда он говорил ей о своих мечтах.

Он мечтал о звуке воды, о запахе дождя, о человеческом голосе, который сказал бы ему: «Ты не один».

Но сильнее всего он мечтал, чтобы хоть одна из его птиц ожила.

Он представлял, как она взмахнёт крыльями, вспорхнёт и сядет ему на плечо. Как они пойдут вместе по пустыне – к горам, где солнце рождается из песка. Он даже придумал имя для неё – Саэла, «дыхание ветра». Каждый вечер, перед сном, он вычерчивал её контуры пальцем на песке – и ветер тут же стирал их, словно обещая: ещё не время.

Но однажды, когда на небе не было ни звезды, ни луны, когда пустыня казалась безжизненной, как застывшее море, ветер изменился. Он не свистел, не бушевал, а будто звал – мягко, настойчиво, как голос, доносящийся издалека.

Арам проснулся и вышел наружу. Над горизонтом поднималась песчаная буря – тёмная, как ночь, и сияющая внутри, будто в её сердце горел свет. Мальчик не испугался. Он чувствовал, что что-то должно случиться.

Он встал на колени у бархана и начал лепить. Пальцы дрожали, песок сыпался сквозь ладони, но он не останавливался. Он лепил дольше, чем когда-либо, вкладывая в каждое движение всю тоску, надежду и одиночество, накопленные за долгие годы.

Буря надвигалась – но он лепил.

Когда первый вихрь ударил по земле, Арам закончил. Перед ним стояла птица – выше всех, что он создавал прежде. Её крылья были узорчатые, словно из тончайшего стекла. А в груди, где должен был быть песок, вдруг вспыхнул слабый свет.

Мальчик отступил, не веря глазам. Ветер завыл, песчинки закружились вокруг фигуры, и она дрогнула. Песок осыпался, но не до конца – осталась форма, тёплая, живая, настоящая.

Птица расправила крылья, подняла голову – и посмотрела на него.

Арам не дышал.

Она сделала один шаг – и другой. Потом медленно поднялась в воздух, опустилась ему на плечо и замерла.

Ветер стих.

Мир стал тихим, как дыхание.

– Саэла, – прошептал он, и впервые за долгие годы улыбнулся.

Над пустыней взошла луна. Её свет отразился в глазах мальчика и в крыльях песчаной птицы.

Глава 2. Птицы на ветру

Буря пришла внезапно – будто сама пустыня проснулась от векового сна и решила напомнить, что в ней живёт сила, неподвластная человеку.

Небо потемнело, песок зашумел, поднявшись в вихри, похожие на огромные, живые стены. Воздух дрожал от жара, но внутри него, в сердце шторма, ощущалось странное дыхание – ритмичное, будто кто-то огромный расправлял свои невидимые крылья.

Арам стоял у входа в свою пещеру, прикрывая лицо рукой. Он должен был спрятаться, как делал всегда, но в этот раз не смог. В груди его что-то тянуло наружу, в самый центр бури. Было чувство, будто его зовут – не ветер, не страх, а само предчувствие.

Он шагнул вперёд, навстречу пыли и ревущему ветру.

Песок обжигал кожу, но он не останавливался.

Он знал: сегодня должен случиться момент, который не похож на все другие.

Добравшись до вершины бархана, он опустился на колени. Руки его дрожали, глаза слезились, но он снова начал лепить.

Каждое движение было наполнено смыслом. Пальцы будто знали, что делать. Он не просто создавал форму – он вдыхал жизнь.

Сначала возникли очертания тела, потом шея, клюв, крылья. На каждом перышке он проводил линии – тонкие, извилистые, похожие на следы времени.

Ветер рвал песок, будто пытался помешать, но Арам продолжал. Он чувствовал, что не один: сама буря, со всей своей свирепостью, словно помогала ему, добавляя силу, чтобы он не остановился.

Когда последний узор был закончен, Арам откинулся назад. Перед ним стояла птица – прекрасная и пугающе живая. Её крылья мерцали в пыльном воздухе, будто светились изнутри.

На миг наступила тишина. Даже ветер будто затаил дыхание.

Потом песок вокруг неё зашевелился. Песчинки поднялись вихрем, закружились вокруг фигуры, и та медленно пошевелила крылом. Сначала едва-едва – как дыхание. Потом сильнее. С песком посыпались искры света, и вдруг – лёгкий взмах, почти не слышный в гуле бури.

Птица ожила.

Она подняла голову и посмотрела на мальчика. В её глазах отражалось небо, но не нынешнее – а какое-то другое, глубокое и ясное, будто она видела то, что скрыто за горизонтом времени.

Арам не отводил взгляда. Всё в нём – сердце, дыхание, даже мысли – остановилось.

Птица расправила крылья. На них проступили узоры, похожие на течения ветра, на волны часов, бегущие сквозь песок. Каждый перо переливалось оттенками лунного света.

Она взмахнула – раз, другой – и оторвалась от земли.

Сделав круг над Арамом, птица описала в воздухе блестящую спираль, словно чертила знак на небе. Потом опустилась обратно и тихо села рядом, свернув крылья.

Буря начала стихать.

Ветер уже не ревел – он пел.

Мальчик протянул руку и осторожно коснулся её крыла. Оно было тёплым. Не песчаным, не зыбким – живым.

Он почувствовал биение – лёгкое, ритмичное, как сердце.

– Ты настоящая, – прошептал он. – Настоящая...

Птица наклонила голову, словно понимала. Её дыхание напоминало шелест ветра – ровное, бесконечное.

Арам поднял взгляд на небо. Там, где ещё недавно бушевала буря, теперь сияла чистая луна. Она отражалась в песке серебром, и всё вокруг – дюны, звёзды, даже дыхание ветра – казалось новым, иным, наполненным смыслом.

Он смотрел на птицу долго.

Потом тихо сказал:

– Я назову тебя Саэла. Это значит – дыхание ветра.

Птица издала тихий, мелодичный звук, похожий на смех, и Арам улыбнулся.

Это была первая улыбка, что касалась его лица за многие годы.

С той ночи всё изменилось.

Теперь пустыня не казалась безжизненной. Каждый её вздох, каждый порыв ветра звучал иначе.

Арам чувствовал, будто песок вокруг начал слушать. А в нём самом появилась тишина, но не пустая – глубокая, как дыхание звёзд.

Саэла не исчезла. Она спала рядом с ним, укрывшись крыльями от ветра, а утром взлетела, чтобы встретить солнце. И впервые за всё время Арам понял: он не один.

В тот день он не лепил ни одной новой птицы. Он просто смотрел, как Саэла кружит в небе, как солнечные лучи отражаются на её перьях, как песок поднимается вихрями – будто весь мир танцует вместе с ней.

Арам не знал, почему именно она ожила. Может, потому что он слишком долго верил. А может, потому что пустыня решила подарить ему ответ – не словами, а чудом.

Глава 3. День, который длится вечно

Утро в пустыне начиналось, как всегда – с лёгкого дыхания ветра, что полз по барханам, стирая ночные следы. Но в тот день воздух был иным. Он казался мягче, теплее, словно сама пустыня улыбалась.

Арам проснулся от странного ощущения: будто кто-то тихо дышал рядом. Он приоткрыл глаза – и увидел Саэлу.

Она лежала рядом, укрывшись крыльями от песка, и её дыхание было ровным, почти человеческим. На её груди переливались отблески света, как если бы внутри неё билось крошечное сердце, сотканное из солнечных искр.

Мальчик долго не мог отвести взгляд. Он боялся пошевелиться – боялся, что, если сделает хоть одно движение, она рассыплется, как всё, что он когда-то создавал.

Но Саэла открыла глаза. В них отражалось утро: барханы, небо, лучи солнца, и где-то глубоко – он сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.